

Борис Степанович Житков. "С новым годом!"

Книга: Б.Житков. "Джарылгач". Рассказы и повести
Издательство "Детская литература", Ленинград, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июня 2002 года

Был канун нового, 1907 года. В городской думе были расставлены столы. В парадном зале, в два ряда. А на столах – свечи в канделябрах, по шести штук в каждом. Канделябры бронзовые, сияют как золото. А вокруг икра, балыки, заливные осетры, окорока, индюшки. Все в завитках, в бумажных финтифлюшках. Вазы хрустальные. В вазах апельсины, яблоки, гора над горой. А бутылок – что солдат на параде. По краям тарелки, ножики, вилки, графинчики, рюмки. Блестит, горит – глаза режет. Официанты в белых перчатках. Бегают, мечутся – дух зашибло. Сейчас господа приедут! Ведь господа-то какие! Не простые – именитые. Цвет купечества. Виднейшие адвокаты. Сказывают: сам губернатор будет. С графией, с губернаторшей.

А вот и собираются. Во фраках. Глаженные рубашки блестят как фарфоровые. А другие в мундирах пришли, воротники золотые, шпага при боку. А дамы-то! В ушах бриллианты, на пальцах колец – что перчатки. Вот уж и музыканты наверх пробираются. Трубы горят начищенные. Ух, как рявкнет медь – посуда подскочит.

Сейчас губернатор будет. Бегут, бегут – это его встречать. Городской голова* впереди всех покатил. Музыканты встречу ударили. Городской голова кланяется, улыбается. А что говорит – за музыкой не слышать. Его сиятельство по сторонам кивает: "Садитесь, господа. Прошу без чинов". На музыку платками замахали. Городской голова говорит, в руке бокал держит:

* Городской голова – в царское время председатель городской управы.

– Вступаем в новый, девятьсот седьмой, божьей помощью и стараниями вашего сиятельства! – и кланяется. – В новый год, год успокоения, мирного преуспевания, без стачек, без баррикад. Ваше сиятельство, без смуты вступаем в спокойное... – и все кланяется, кланяется. И бокалом губернатору, как по кадиллом.

Дамы все на графа смотрят и прическами кивают. Пришептывают: "Ваше сиятельство! Ваше сиятельство!"

А голова:

– В ознаменование крепости державы российской и силы русского оружия со дна моря поднята, с затопленного дерзостного английского корабля, чугунная пушка десятифунтового калибра. И пушка эта, ваше сиятельство, поставлена на пьедестал как памятник победы, близкой сердцу нашему. И в знак близости водружена в двадцати шагах от этого здания – городской думы.

Городской голова махнул бокалом к дверям, чтобы показать, где пушка, и плеснул вином губернаторше на голое плечо. Адъютант губернаторский подскочил с салфеткой и так усердно стал вытирать, что граф нахмурился на адъютанта и сказал сердито: "Довольно бы, пожалуй!"

Голова думал, что это ему, и на всем ходу прикусил язык. А граф кивнул голове: "Я вас слушаю!" Тут кто-то догадался махнуть музыкантам, те ударили туш, все господа встали, у всех бокалы с вином играют в руках. "Ура! Ура!" Зазвякали, зачокались.

А мы еще накануне знали, как это там соберутся, как там бутылки раскупоривать начнут и как начнут всей рабочей революции отходную петь. Да и верно, прижали – не повернись. По всем городам усиленная охрана, шпиков, что воровьев. "Союз русского народа" резинами машет, хлещет этим резиновым дубьем всех, чья личность им не по нраву. Что ж, выходит: в щель забейся. Но мы сидели втроем на квартире, и всем тошно, а Сережка все бубнил:

– Теперь им лафа – во какими павлинами ходят: "Что? Кого? Царя?" Сейчас свисток из кармана, тебя за шиворот, и такое тебе "боже царя" начнут в участке всаживать, что аккурат на три месяца больницы. Сиди, брат, и не пикни. А они там, в городской думе, завтра – ого! Три фургона одних бутылок, говорят, туда пригнали.

Гришка говорит: